

Эврипида. Теперь на основании сравнения с капуанским саркофагом мы можем попытаться реконструировать всю сцену, занимавшую переднюю стенку саркофага.

Примерно в середине помещался пилон арки, деливший композицию передней стенки на две части, каждая из которых была занята самостоятельной сценой. Слева — сидящая на троне в окружении служанок и кормилицы Федра обращалась к стоявшему перед ней Ипполиту (часть этой сцены и воспроизводит эрмитажный фрагмент), справа — охота Ипполита на кабана.

Капуанский саркофаг наиболее близок эрмитажному фрагменту, но с небольшими вариациями эта же композиция встречается на многих других саркофагах с Ипполитом⁴, Адонисом⁵ и Мелеагром⁶. Несколько саркофагов с Ипполитом, содержащих двухчастную композицию, были определены Ф. Герке⁷ как изделия римской мастерской конца III — начала IV в. По его мнению, эта мастерская использовала композиционный прием, применявшийся на саркофагах конца II — начала III в., но затем забытый и возрожденный только тетрархией.

Однако эрмитажный фрагмент по своим стилистическим признакам не может быть отнесен ни к ранним, ни к поздним образцам саркофагов с подобным сюжетом. Он занимает промежуточное место и, таким образом, восполняет тот пробел, который образовался в развитии данной группы памятников.

Датировка эрмитажного фрагмента затрудняется тем, что лица не носят портретных черт. Лицо раба, которое на первый взгляд может показаться индивидуальным, является лишь условным типом раба-варвара, с теми или иными изменениями, повторяющимся на многих саркофагах II—III вв.

Однако развитие идеализированного типа юношеского лица Ипполита может быть прослежено на нескольких памятниках, и сравнительный анализ их позволяет уточнить дату создания саркофага. Саркофаг с изображением времен года в палатце Консерваторов⁸ и саркофаг с львиной охотой в палатце Маттен (так называемый Маттен I)⁹ датируются 220—235 гг.¹⁰, т. е. временем сильного греческого влияния в надгробной римской скульптуре. Эллинизованный характер, отличающий головы Эроса и охотника на этих саркофагах от головы Ипполита, заставляет предполагать более позднюю дату для нашего рельефа. Близки типу эрмитажного Ипполита головы муз на саркофаге с философами в музее Торлония¹¹, относящемся к 250—260 гг. Но сухость исполнения и дробная орнаментальная трактовка волос муз делают эту датировку слишком поздней для эрмитажного фрагмента. Поэтому наиболее вероятной нам представляется его датировка в пределах 240—250 гг.

Если принять такую дату для эрмитажного фрагмента, то можно утверждать, что римские саркофаги с двухчастной композицией на сюжет мифологической охоты Ипполита создавались непрерывно на протяжении более ста лет.

Римские мастера не были самостоятельны в создании композиции, но внесли новое в ее трактовку и в понимание сюжета. Первоосновой композиции служил, несомненно, живописный оригинал. Но для римлян ближайшим образцом для подражания были скорее всего греческие, аттические саркофаги, вызволенные во все концы империи и в самый Рим¹². На аттических саркофагах эпизоды трагедии — страдающая Федра с кормилицей, Ипполит с друзьями и сцена охоты — занимали каждый отдельную стенку саркофага. На римских же саркофагах они помещаются на одной плоско-

⁴ Там же, №№ 164, 167, 169—171.

⁵ Там же, III—1, №№ 13—15, 20, 21.

⁶ Там же, III—2, № 240.

⁷ F. G e r k e, Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit, В., 1940, стр. 24.

⁸ M a t z, ук. соч., табл. 31-с.

⁹ G. R o d e n w a l d t, Zur Kunstgeschichte der Jahre 220 bis 270. Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts 51, 1936, рис. 13.

¹⁰ M a t z, ук. соч., стр. 167—178.

¹¹ R o d e n w a l d t, ук. соч., табл. 5, стр. 113.

¹² В Риме в 1853 г. был найден один из лучших аттических саркофагов с Ипполитом, хранящийся теперь в Эрмитаже (инв. № А.432).

сти, последовательно друг за другом. Это был типично римский прием компоновки, характерный для так называемого «повествовательного стиля», с повторением одного и того же главного действующего лица. Такой прием сближает данную группу памятников с римским историческим рельефом.

Соединение на одной стенке саркофага всех основных эпизодов мифа вынуждало римского мастера сокращать количество действующих лиц. Так, вместо семи юношей, сопровождающих Ипполита на аттическом саркофаге, на римских изображается только один. Передача кормилицей письма Ипполиту происходит в присутствии самой Федры. Это придает большую напряженность и драматизм действию и отличает римские саркофаги от несколько холодноватого классицизма аттических.

Эрмитажный фрагмент не только пополняет большую группу римских памятников — двухчастных саркофагов на тему мифологической охоты, но позволяет утверждать, что эта тема была одной из самых распространенных в надгробной пластике и ее развитие идет непрерывно в течение всего III в.

И. И. Саверкина

SARCOPHAGUS FRAGMENT WITH A REPRESENTATION OF HIPPOLYTUS

by I. I. Saverkina

On an unpublished sarcophagus fragment in the Hermitage are depicted two male figures: a youth, who is apparently the principal personage of the scene, and standing behind him a man with a coarse barbarian visage. An exact replica of this group may be seen on the Hippolytus sarcophagus in Capua. The youth on the Hermitage fragment may therefore be identified as Hippolytus, and the man behind him as the old slave of the Prologue in Euripides's play. The Hermitage relief close to the group of sarcophagi with two-part compositions. In Gerke's opinion this method of composition had been applied on sarcophagi of the end of the second and beginning of the third centuries A. D., but was then forgotten, and was revived only in time of the tetrarchy. However, the Hermitage fragment cannot be related stylistically either to the early or the late examples of this type of sarcophagus decorated by mythological hunting scenes. The Hermitage sarcophagus should probably be dated within the decade 240—250 A. D.

ОВИДИЙ И АВГУСТ

Овидий принадлежит несомненно к числу крупнейших поэтов древнего Рима. Он был не только увлекательным рассказчиком и остроумным наблюдателем современной ему жизни, но и тонким психологом. Однако в XIX в. этот поэт был в известной степени «пасынком» классической филологии. По меткому замечанию В. Марга его хвалили, но не любили и постоянно упрекали в «риторичности», «холодности», «легкомыслии» и недостатке «мужества» во время изгнания¹. По мнению некоторых современных филологов-классиков двадцатому веку еще предстоит «открыть» Овидия².

Многие авторы монографий и статей, появившихся в последнее десятилетие, стремятся по-новому прочесть этого древнего автора и обнаруживают в его произведе-

¹ W. Marg, рец. на кн.: H. Fränkel, Ovid, «Gnomon», 21 (1949), стр. 45.

² Там же; E. Peeters, Ovide et les Études Ovidiennes actuelles, «Ovidiana». Recherches sur Ovide, P., 1958, стр. 548; L. und W. i g, Struktur und Einheit der Metamorphosen Ovids, B., 1965, стр. 12, 13; E. K. R a n d, Ovid and His Influence, N. Y., 1963, стр. 171; V. P ö s c h l, Ovid und Horaz, «Rivista di cultura classica et medioevale», № 1, Roma, 1959, стр. 21.

ниях оригинальность, меткость взгляда, богатство жизненного материала и глубокую гуманность³. Известному пересмотру подверглась и лирика периода изгнания. При этом особое внимание уделялось в последние годы «Тристиям», которые, с точки зрения многих исследователей, имеют большую художественную ценность⁴.

Вопрос о причинах изгнания Овидия, интересовавший не одно поколение ученых, вновь ставится в наши дни в многочисленных специальных исследованиях. Автор специально посвященной этому вопросу монографии утверждает, что тайна Овидиева изгнания будет оставаться тайной, пока не найдутся какие-нибудь новые материалы⁵. Он считает, что ни одна из многочисленных гипотез, выдвигавшихся в течение столетий, не может считаться правильной. Действительно, конкретная вина Овидия, на которую тот лишь намекает в своих стихотворениях, едва ли станет когда-нибудь известной. Однако из изучения произведений поэта можно вынести некоторые вполне достоверные суждения об отношении Овидия к сославшему его принцепсу и о той линии поведения, какую поэт избрал для себя в изгнании, а это, в свою очередь, дает возможность представить себе «климат эпохи» и личность самого поэта, в известной степени характерную для периода принципата.

Если собрать все, что говорит по поводу своего изгнания сам поэт, то можно нарисовать картину, давно уже, в общих чертах, известную ученым.

Овидий совершил какую-то «ошибку», «впал в заблуждение» (Trist. II, 207—209); нечаянно увидел «что-то», чего не должны были видеть его глаза (там же, 103—104). Свой поступок он называет просто «глупостью» и утверждает даже, что пострадал за свою «простоту» (Ex Pont., I, 7, 44; Trist. I, 5, 41—42). Этим поступком поэт нанес личную обиду Августу и был наказан за это не как государственный преступник, а как личный враг принцепса. Август собственным распоряжением удалил его из Рима. Кара, постигшая поэта, носила название «relegatio» (удаление), а не «exilium» (изгнание) (Trist. II, 125—140). В то время как отправляемые в изгнание лишались гражданских прав и имущества, он, как «удаленный» (relegatus), не был лишен ни того, ни другого. Он имел право взять с собой слуг и имущество, так же как и членов семьи. Однако причину своего гнева Август не пожелал назвать открыто и выдвинул в качестве официального предлога то обстоятельство, что Овидий написал поэму «Искусство любви», оказывавшую якобы дурное влияние на римские нравы (Trist. II, 7—10; 211—212; 240—256). Поэма была написана за девять лет до ссылки и в одной из своих элегий поэт удивляется тому, что наказание последовало через столь длительный срок после преступления (Trist. II, 543—546).

В один год с Овидием (8 г. н. э.) из Рима была выслана внучка Августа Юлия Младшая, а через год и внук его Агриппа Постум. Свою дочь, изгнанную из Рима во 2 г. н. э., так же как и внучку, принцепс обвинял в безнравственном поведении, позорившем его дом (Tac., Ann. IV, 24).

Сходство обвинений, предъявленных обоим Юлиям и Овидию, как и даты ссылки, заставляли ученых искать связи между изгнанием двух Юлиев и Овидия. Выдвигались предположения, что поэт был случайным свидетелем каких-то походов Юлии Младшей, а может быть, и ее пособником в романе с Юнием Силаном⁶. Станным кажется, однако, то обстоятельство, что главный виновник падения Юлии «первый актер», по выражению Ж. Каркоппино, Юний Силан не был наказан и добровольно уда-

³ H. Frankel, Ovid. A Poet between Two Worlds, Los Angeles, 1945, стр. 35, 72 и др.; A. Alfonsi, Die Liebeslegie Ovids, «Acta philologica Aenipontana», I, 1962, стр. 42 и др.

⁴ V. Pöschl, Mythologie und Dichtung in den Metamorphosen Ovids. «Antike und Abendland», 9, 1960, стр. 62—64; J. Bouyrot, La misère et la grandeur de l'exil, «Atti del Convegno internazionale Ovidiano», Roma, 1959, стр. 124—156; E. Galletier, Les préoccupations littéraire d'Ovide pendant son exil, «Revue des Études anciennes», 17 (1946), стр. 439 и др.

⁵ C. J. Thibault, The Mystery of Ovid's Exile, Los Angeles, 1964, стр. 116—121.

⁶ G. Baligan, L'esilio di Ovidio, «Atti del convegno Ovidiano», т. 1, стр. 49; W. Alexander, The culpa of Ovid, «The Classical Journal», 53 (1957), стр. 181.

лился из Рима, в то время как поэт понес жестокую кару ⁷. И свою внучку и Овидия принцепс обвинил в неуважении к законам нравственности. Только в этом, по-видимому, и состоит связь между изгнанием Овидия и Юлии. Все остальные предположения не могут считаться сколько-нибудь основательными.

После изгнания Овидия его произведения были изъяты из общественных библиотек (Trist. III, 1, 59—76). Следовательно, по отношению к нему Август поступил так же, как по отношению к своим политическим противникам, сторонникам Республики, Лабену и Кассию Северу, чьи книги были публично уничтожены (Sen., Controv. X, praef. 8; Tac., Ann. IV, 21). Д. Марин, а вслед за ним и Ж. Каркопино считают, что Овидий был политическим врагом Августа. По их мнению, поэт принимал участие в каких-то политических собраниях и пифагорейских действиях, организовывавшихся оппозиционно настроенной знатью ⁸. С их точки зрения Овидий был «своим человеком» в семье П. Фабия Максима, родственника и друга Августа, так как жена его состояла в родстве с супругой Фабия Марцией. В отказе поэта от государственной деятельности и Марин и Каркопино видят демонстративный акт, направленный против принцепса. По мнению Каркопино, женитьба на Фабии «сулила Овидию блестящую государственную карьеру» ⁹. Однако о родственных отношениях третьей жены Овидия с Фабиями мы знаем очень мало. Поэт пишет лишь о том, что она имеет какое-то отношение к дому Фабиев (Ex. Pont. I, 2, 138—139). При этом он постоянно упоминает о глубоком почтении, какое его жена оказывает Марции (там же, 140—144). По-видимому, жена Овидия принадлежала лишь к числу матрон, составлявших свиту Марции, была одной из ее приближенных и клиенток, а отнюдь не влиятельной и всемогущей матроной. Отказываясь же от государственной деятельности ради литературных занятий, поэт не совершает никакой политической демонстрации (Trist. IV, 10, 36—40). Он поступает так же, как и прославленные поэты «века Августа» Вергилий и Гораций. Отрицательное отношение к государственной деятельности у многих современников Овидия было лишь следствием политического индифферентизма, характерного для римского общества периода Империи. Сам поэт постоянно пишет, что не принадлежал к политическим врагам принцепса и не участвовал ни в каких заговорах (Trist. II, 51; III, 5, 45), да и произведения Овидия свидетельствуют о том, что политика мало его интересовала. Явившийся в Рим из маленького италийского городка Сульмона, Овидий не занимал в Риме видного общественного положения. Славы он достиг стихотворениями, которые были у всех на устах (Trist. IV, 10, 59—60). Как и другие поэты Рима (Энний, Вергилий), он искал покровительства высокопоставленных лиц. Весь характер «Посланий с Понта», с которыми он обращается к своим патронам, показывает, что поэт был в сущности «маленьким человеком». Тем не менее, как это уже заметили исследователи, в числе его адресатов было много людей, не принадлежавших к числу активных сторонников принципата ¹⁰. Так, Овидий находился в клиентских и дружеских отношениях с Мессалой Корвином и его сыновьями, с Галлионом, изгнанным впоследствии из сената (Tac., Ann. XIII, 42—45), с тем же П. Фабием Максимом, который, по словам Тацита (Ann. I, 5), вызвав неудовольствие Ливии тем, что сопровождал Августа во время его визита к сыновью внуку Агриппе Постуму, вынужден был покончить жизнь самоубийством. Известно, что в доме Августа после его женитьбы на Ливии происходили постоянные распри (Maer., Sat. II, 3,5 и 5,6). Супруга принцепса старалась оттеснить от него ближайших родственников и приблизить к нему своего сына Тиберия. Возможно, что в этих семейных распрях Фабий поддерживал Юлиев и не был сторонником Ливии и Тиберия. После смерти Августа Тиберий не пожелал вернуть в Рим сосланного поэта, что может служить известным доказательством неприязни

⁷ J. Carcopino, *Rencontres de l'histoire et de la littérature Romaine*, P., 1963, стр. 124; Tac., Ann. III, 24.

⁸ D. Marin, *Intorno alle cause dell'esilio di Ovidio a Tomi*, «Atti del Convegno internazionale ovidiano», I, Roma, 1959, стр. 37; Carcopino, ук. соч., стр. 81—8

⁹ Carcopino, ук. соч., стр. 83.

¹⁰ Marin, ук. соч., стр. 40—45; Carcopino, ук. соч., стр. 85—90.

к Овидию. Возможно, что в судьбе Овидия и сыграла свою роль эта близость к оппозиционно настроенной знати, вовлекавшей его, быть может, в какие-то дворцовые интриги. Во всяком случае Овидий признается, что оказался жертвой собственной глупости и чьего-то коварства (Ex Pont. II, 2,17; Trist. IV, 4). Поэт пишет, что и с поэмой «Искусство любви» Августа познакомил какой-то коварный недруг. Иначе она осталась бы неизвестной принцепсу, слишком занятому важными государственными делами (Trist. II, 77—80; 219—224).

Овидий не был, таким образом, крупной общественной фигурой и политическим врагом Августа, как думают некоторые исследователи. Отношение его к принцепсу может быть показано с достаточной полнотой при внимательном изучении всех элегий, написанных в изгнании. Эти элегии дают нам также интересный материал для суждения об особенностях литературного творчества в ту богатую поэтическими талантами эпоху истории Рима.

Местом изгнания был избран город Томи. Один из греческих городков на побережье Черного моря, вблизи дунайской границы, он был основан греческими колонистами в VII в. до н. э. При Августе в этой области было еще неспокойно. Позднее, в начале правления Тиберия, городок вошел в состав вновь образованной провинции Мёзии, а к моменту прибытия туда Овидия был, по-видимому, под защитой зависимого от римлян государства одрисов¹¹. Греческие города были как бы островками среди массы фракийских племен, населявших территорию нынешних Албании, Болгарии, Румынии и отчасти Югославии. В I в. до н. э. фракийский вождь Буребиста попытался создать племенное объединение (Strabo, VII, 3, 11). Под его водительством фракийцы совершали набеги на города и крепости. В то время как Овидий прибыл в Томи, объединение, созданное Буребистой, уже распалось, но воинственные соседние племена по-прежнему вторгались время от времени в окрестности города. Поэт рассказывает, что геты переправляются зимой через замерзший Дунай, грабят население и захватывают в плен мирных жителей (Trist. III, 10, 45—46). При сигналах опасности вооруженные горожане бегут к воротам, чтобы отразить натиск врага (Trist. IV, 70—80). Поэт уверяет, что место его изгнания было необычайно далеким от Рима, что из всех выславных один он живет под угрозой непрерывной войны и лишен защиты своего государства (Trist. II, 185—195). Действительно, это место было выбрано, видимо, по каким-то особым соображениям. Овидий хотели изолировать, изъять из тогдашнего «культурного мира», поставить в особо трудные условия.

Описывая неудобства жизни в Томи, Овидий все время просит Августа изменить ему место ссылки. В «Тристиях» и «Посланиях с Понта» постоянно упоминается имя Августа. Однако в «Тристиях» Овидий выступает в литературной маске «поэта-изгнанника», вступающего в некую борьбу с деспотическим правителем, изгнавшим его из Рима. «Послания» же служат более реальным целям. Овидий хочет в них расположить к себе принцепса и его семейство, а также и своих высокопоставленных патронов. «Послания с Понта» — это своего рода клиентская поэзия, гораздо более близкая к прозаическому письму, чем «Скорбные элегии».

Верховного главу римского государства поэт называет «богом» и постоянно пользуется, взывая к принцепсу, привычными формулами, свойственными официальной идеологии принципата. Овидий сравнивает Октавиана с Юпитером, направляющим в провинившихся свои «перуны» (Trist. I, 73; II, 50—60; 140—145; III, 5,7—10). Вместе с тем он превозносит «кротость», «справедливость» и «миролюбие» (Trist. II, 41—50; 125—130; III, 1, 40—45) принцепса. Эти качества прославлялись поэтами официального направления и скульпторами, создававшими в это время парадные портреты Октавиана Августа¹². Овидий благодарит Котту за присылку серебряных изображений Августа и его семейства. К этим верховным божествам Рима он обращает мольбы,

¹¹ Т. Д. Златковская, Мёзия в I—II веках нашей эры, М., 1951, стр. 30; R. V ul p e, Die Dobrudscha im Laufe der Jahrhunderte, Bukarest, 1939, стр. 14.

¹² C. R o d e w a l d t, Kunst um Augustus, B., 1943, стр. 20—56; R. H e i n z e, Die Augusteische Kultur, Lpz. Bul., 1930, стр. 13—16.

предсказывает недалекую, с его точки зрения, победу над Германией (там же, 80—100). В центре его внимания в этих стихотворениях находятся Август, Друз, Германик и Тиберий. Поэт прославляет не только победы, о которых он знает по слухам, но и те, свидетелем которых является в Томах он сам. Так, он рассказывает своим друзьям о тех сражениях, которые ведут римляне с гетами на берегах Дуная. В письмо эпическому поэту Корнелию Северу вставлен рассказ об освобождении от гетов крепости Эгисос. Эта литературная вставка была вполне уместна в послании к автору не дошедшей до нас поэмы «Res Romana»²⁰, воспевавшей победы римского оружия. Корнелия Севера Овидий называет (в другом послании) «величайшим певцом великих царей (vates magnorum maxime regum)». В послании I, 8 рассказывается о том, как союзные римлянам одрисы отняли у гетов захваченную ими крепость. Поэт прославляет царя одрисов и обещает ему благоволение великого Рима и самого Августа (Ex Pont. I, 8, 21—24). Рассказ выдержан в высоком эпическом стиле, который был, вероятно, характерен для поэзии самого Севера и других поэтов, писавших на подобные темы.

Целое послание (IV, 7) посвящено подвигам римского полководца Весталиса. Весталису вновь пришлось отвоевывать у гетов крепость Эгисос. Ему помогали приплывшие от устья Дуная римские легионы, которыми командовал Вителлий. В парадных эпических тонах повествует Овидий о том, как могучий богатырь Весталис смело устремляется на врага под градом падающих на него камней и копий. Его щит весь пробит, в шлеме торчат стрелы, но в жажде славы, презирая смерть, он устремляется вперед. Овидий называет Весталиса потомком альпийских царей из династии Донна Эти альпийские цари были в дружеских отношениях с Римом²¹ (свидетельство Овидия дает основание предположить, что эти царьки помогали римлянам в подчинении приднубайских народностей). Поэт сравнивает Весталиса с Аяксом, отражавшим у греческих кораблей натиск Гектора (Ex Pont. IV, 7, 35—42; Ilias, XVI, 101—111). Этот же гомеровский образ использовал в свое время Кв. Энний в «Анналах», повествуя о подвиге римского трибуна во время Истрийских войн²². В этой поэме прославлялись, как известно, подвиги полководцев и государственных деятелей эпохи республики.

Элементы «гомеровско-эннианского» стиля можно встретить и в других посланиях, адресованных государственным деятелям Рима, influentialным патронам изгнанного поэта. Так, в письме С. Помпею рассказывается о том, как Овидий одиноко шел по песчаному берегу и вдруг услышал за своей спиной шелест могучих крыльев. Оказывается, к берегу Понта прилетела богиня Молвы и принесла известие о том, что Помпей станет в ближайший год консулом (Ex Pont. IV, 4, 5—20). Этот рассказ напоминает повествование Энния о знаменитом сне Илиа. Жрица Илиа видела во сне, что она одиноко блуждает по берегу реки и внезапно явившаяся тень отца открывает ей ее будущую судьбу²³.

В послании тому же Помпею, уже ставшему консулом (14 г. н. э.), Овидий благоговейно описывает государственную деятельность римского должностного лица: Помпей то вершит суд над квиритами, то озабочен доходами великого города, то беседует и советуется с самим Августом. Письмо Овидия он может прочесть только во время досуга, когда освободится, наконец, от множества дел (Ex Pont. IV, 4, 11—18).

С таким же благоговением писал и Энний об исполнении государственных обязанностей римскими нобилями. Так, во фрагменте, посвященном Г. Сервилию Гемине, консулу 217 г. до н. э., погибшему в битве при Каннах, говорится о том, как, исполнив свои обязанности в «священном сенате» и на форуме, «устав от управления государством», он зовет к себе своего послушного клиента, чтобы скоротать остаток дня в про-

²⁰ W. M o r e l, Fragmenta poetarum latinorum epicorum et lyricorum, Lips., 1927, стр. 116 сл.

²¹ H a t t, ук. соч., стр. 88; O v i d., Ex Pont. IV, 7, 6 и 29.

²² E. H. W a r m i n g t o n, Remains of Old Latin, I, L., 1935, стр. 154 (fr. 404—416).

²³ W a r m i n g t o n, ук. соч., стр. 14 (fr. 32—48).

«священной беседе»²⁴. Кв. Энний сам был таким клиентом Фульвия Нобилиора и других нобилей из группы Сципиона Африканского. Овидий выступает в «Посланиях» в сходной с Эннием роли маленького человека, в роли клиента и просителя, возмущающего и прославляющего род Юлиев и своих высокопоставленных римских патронов. Он униженно благодарит С. Помпея за денежную помощь (*Ex Pont.* IV, 1, 23—24) и за то, что тот помог ему благополучно пройти через Фракию во время путешествия из Рима в Томи (там же, 5, 33—36). Он даже называет себя «вещью», принадлежащей Помпею, его «произведением» (там же, 1, 29—36).

Клиентская поэзия — свадебные гимны, разного рода стихотворения на случай — не была чужда Овидию и в Риме. Из «Посланий с Понта» мы узнаем, что он написал элегию на смерть своего высокого покровителя и главы литературного кружка Мессалы Корвина (I, 7, 29—30), Гименей по случаю бракосочетания П. Фабия Максима и Марции (I, 2, 131—135).

Весь тон «Посланий», манера обращения Овидия к своим покровителям свидетельствуют о том, что он отнюдь не был равноправным другом своих патронов. Тем интереснее та независимая позиция, которую поэт занимает по отношению к Августу в «Тристиях».

В большой элегии второй книги, как заметил Р. Мараш, поэт не раз нападает на Августа²⁵, отстаивая свое право писать в тех жанрах, какие соответствуют его дарованию. Ставить ему в вину то, что он писал о любви, значит обвинять его в том, что он — Овидий. Здесь он выступает не в роли просителя, а в роли поэта, сильного своим дарованием (*ingenium*), обладающего неким «божественным даром» (ст. 10—16, 5—11, 40—45).

Такое противопоставление человека, наделенного талантом (*ingenium*), деспотическому правителю встречается также у римских декламаторов, чью школу прошел в молодости Овидий. Так, в одной из свасорий, сохранных нам Сенекой Старшим, в которой обсуждался вопрос, должен ли Цицерон принять предложение Антония сохранить ему жизнь при условии, что его произведения будут уничтожены, оратор К. Гатерий заявил, что Цицерон «имел дарование, по отношению к которому права триумвиров бессильны» (*Suas.* VII, 1)²⁶. В своей элегии к Перилле Овидий пользуется почти теми же выражениями, утверждая, что закон Августа бессилен перед его дарованием (*Caesar in hoc potuit iuris habere nihil — Trist.* III, 7, 47—48). Оратор Ареллий Фуск, один из учителей Овидия, выступая со свасорией на ту же тему о Цицероне, утверждал, что человек, обладающий дарованием, будет жить вечно, в то время, как Антоний — политический враг Цицерона — погибнет (*Sen., Suas.* VII, 7). О «вечности дарования» говорил и декламатор Аргентарий (там же, 8). Эта тема — одна из основных в «Тристиях» Овидия. Поэт, по мнению автора элегий, — фигура значительная и заслуживающая особого внимания и покровительства правителей государства; лишая поэта своей защиты, Август совершает ошибку.

Высокое представление о миссии поэта, свойственное еще поэтам и мыслителям древней Греции²⁷, получает широкое распространение в Риме в период принципата Октавиана Августа. Вергилий и Гораций придают новый вес и значение существительному *vates* (поэт, пророк), подчеркивая ту особую роль, которую поэзия и поэт призваны играть в жизни общества²⁸. Обладание поэтическим талантом придает, и по мнению Овидия, особую силу и достоинство человеку. Как поэт, а не как гражданин и клиент, Овидий дерзает даже подсмеиваться над Августом и поучать его. Принципец

²⁴ Там же, стр. 79 (fr. 211—227).

²⁵ R. M a r a c h e, *La Revolte d'Ovide exilé contre Auguste, Ovidiana. Recherches sur Ovide* par N. Herescu, P., 1958, стр. 416.

²⁶ Цит по изд.: S e n e c a e l e R h e t o r, *Controverses et suasoires*, ed. H. Bornecque, II, P., 1891.

²⁷ F. K l i n g e r, *Würde der Dichtung*, Münch., 1956, стр. 9—11.

²⁸ H o r., *Carm.* III, 4; IV, 3; F. A l t h e i m, *Römische Religionsgeschichte*, Baden-Baden, 1953, стр. 221—225.

не обладает, по его словам, хорошим литературным вкусом, так как с удовольствием смотрит на мимические представления, гораздо более непристойные, чем поэма «Искусство любви», за которую ее автора так жестоко наказали.

Ироническое отношение Овидия еще более оттеняется почтительной и даже падающей словесной формой, к которой он постоянно прибегает, обращаясь к Августу.

Сам расходы свои ты проверь на зрелища, Цезарь,
Разве мало ты сам авторам пьес заплатил!
Ты смотрел и других приглашал смотреть представленья
Цезарь и в этом велик, щедр он и здесь, как всегда!
Взоры свои, эти стражи подвластного принцепсу мира,
Кротко готов обратить к зрелищам этим и ты.

(Trist. II, 509—514)

Поэт подтрунивает над увлечением Августа игрой в кости, которую сам Овидий считает пустым занятием²⁹. В отдельных случаях он пытается даже давать правителю Рима советы:

Если б за каждый проступок Юпитер карал человека,
Быстро лишился бы он молнии грозной своей.
Только пугает он громом, чтоб мир трепетал уstraшенный,
Дождь прольется и вновь ясный сверкает эфир.
Значит по праву зовется отцом и владыкой вселенной,
Кто же в мире сильней, кто справедливей, чем он!
Ты называешься также отцом и владыкой отчизны
Имя нося божества, правом ему подражай!

(Trist. II, 33—40)

Гордую позу поэта, неподвластного деспотическому властителю, Овидий принимает во многих «Скорбных элегиях». Особенно отчетливо видна она в одном из самых значительных в художественном отношении стихотворений, в элегии, обращенной к Перилле. Овидий говорит здесь о своем изгнании в таких выражениях:

Счастье изменчиво. Дарит Фортуна и вновь отбирает,
Иром на наших глазах гордый становится Крѣз.
Нужно ль примеры искать! Ведь все, чем владеем мы, — смертно.
Лишь поэтический дар вечен, сокрытый в груди.
Вот посмотри на меня; лишился я вас и отчизны,
Даже, если б отнять вздумали все у меня,
Все же даром своим я и здесь наслаждался б в изгнании!
Цезарь не властен над ним. Муза свободна моя!
Пусть умру я, мечом пронзенный, в краю отдаленном,
Слава моя на земле будет бессмертна в веках.

(Trist. 7, 41—50)

Высылая поэта в Томи, его хотели принудить к молчанию, изъять из римского общества, но Овидий упорно продолжает писать и посылает в Рим свои новые произведения. Он обращается с просьбами о защите не только к своим высокопоставленным патронам, но и к простым людям, к рядовым читателям, которые ценили в нем талантливого поэта. Он просит «простых людей» дать приют его сочинениям, изгнанным из библиотек (Trist. III, 1, 79—82), а в своей надгробной эпитафии, составленной в ссылке, обращается за сочувствием ко всем людям, испытавшим когда-нибудь чувство любви:

²⁹ Trist. II, 471—481; S u e t., Aug. 71; M a r a s c h e, ук. соч., стр. 416.

Я, здесь лежащий, я тот, кто шалил, любовь воспевая,
 Дар мой меня погубил. Имя поэта Назон.
 Ты же, мимо идущий, коль сам любил ты, промолви:
 «О, да будет легка праху Назона земля!»

(Trist. II, 3, 73—76)³⁰

Овидий часто пишет в элегиях, что могущественный бог жестоко наказал его за случайную ошибку, приводя пример Актеона, которого Диана сурово наказала за то, что он случайно увидел, как она купалась со своими спутницами (Trist. II, 105—110). В этом примере некоторые исследователи пытались видеть намек на тайную вину самого поэта: одни считают, что он видел Ливию в ванной³¹, другие, что он был свидетелем непристойного поведения Юлии Младшей³². Между тем, используя этот пример, поэт просто проводит параллель между своей участью, своим «превращением» и теми, которые испытывают герои «Метаморфоз», несправедливо или слишком жестоко караемые небожителями.

Ах, зачем я смотрел, зачем я видел, что видел,—
 Глупый, зачем я узнал то, что нельзя было знать!
 Так невзначай Актеон обнаженной Диану увидел,
 Все же растерзан он был сворой своих же собак.

(Trist. II, 103—106)

В одной из элегий, обращенной к издателю, Овидий просит его вставить в поэму «Метаморфозы» рассказ о внезапном превращении, постигшем самого автора этой поэмы (Trist. I, 1, 119—124). Вполне возможно, что намеки на судьбу Овидия и были вставлены в рассуждения по поводу участи отдельных героев мифа, часто встречающиеся в «Метаморфозах». Так, например, в поэме имеются строки, в которых явно содержатся намеки на судьбу самого поэта. Говоря об Актеоне, автор замечает:

Если внимательно ты согласишься — судьба виновата,
 Нет преступления на нем — случай его погубил.
 (Met. III, 252—253)

Вспоминая в «Тристиях» Ниобу, наказанную Латоной (Trist. V, 1, 57—58; Ex Pont. I, 2, 29—30), Фаэтона, повергнутого Юпитером на землю (Trist. IV, 3, 65—66), поэт как бы намекает на чрезмерную жестокость Августа, напоминающую гнев небожителей.

Парадное восхваление принцепса часто носит в элегиях дипломатический характер³³. Поэт как бы намекает на то, что «кротость» и «милосердие» отнюдь не во всех случаях свойственны принцепсу: ведь всемогущий правитель не внемлет просьбам изгнанника и не возвращает в Рим незлобивого, преданного своим Музам, обладающего «божественным даром» поэта.

Бунт Овидия против принцепса не носил, как мы видим, политического характера. Это был бунт поэта против насилия правителя Рима. Силу своей поэзии, поддерживающую его в изгнании, он противопоставляет власти Октавиана Августа. У Овидия, следовательно, уже намечена тема, столь часто звучавшая в литературе нового времени, тема столкновения царя и поэта, деспотической власти и поэтического гения. Однако эта тема поставлена, главным образом, лишь в «Тристиях», в высоком жанре лирической поэзии, в которой образ поэта-изгнанника выдвинут на первый план.

³⁰ См. W. H e r e s c u, Le sens de l'épithaphe Ovidienne, Ovidiana. Recherches sur Ovide, P., 1958, стр. 440.

³¹ T h i b a u l t, ук. соч., стр. 26—27.

³² M a r i n, ук. соч., стр. 30.

³³ W. M a r g, Zur Behandlung des Augustus in den Tristien, «Atti del convegno internazionale Ovidiano», Roma, 1959, стр. 347; J. B o u y n o t, La poesie d'Ovide dans les oeuvres de l'exile, Thèse, P., 1957, стр. 34—42.

В «Посланиях с Понта» дается образ римского гражданина, оказывающего и в изгнании почтение главе римского государства.

В этой возможности давать в произведениях, написанных в одно и то же время разное освещение столь важной для изгнанника проблеме поведения по отношению к главе римского государства, сказывается своеобразие античного художественного творчества. Античный поэт чаще, чем поэты нового времени, прибегает к литературной маске, как бы становится в разные позы перед своими читателями в зависимости от чрезвычайно важных для него жанровых особенностей стихотворений.

Для того, чтобы понять отношение Овидия к Августу, нужно с одинаковым вниманием исследовать и «Тристии» и «Послания с Понта». Только в этом случае становится ясно, что Овидий не был политическим заговорщиком и не выступал против режима Августа, как пытаются доказать некоторые современные ученые³⁴.

Н. В. Вулик

OVID AND AUGUSTUS

by N. V. Vulikh

Recent studies of Ovid's «Letters from Pontus» and «Tristia» have developed the theory that the poet was banished from Rome for his political convictions and for taking part in a plot against Augustus. Careful analysis of all the passages about Augustus in the «Tristia» and «Letters from Pontus» reveals the insubstantiality of these conjectures. In the «Letters» Ovid speaks as a loyal citizen who serves his state and *princeps* in the city of Tomis, the «Romanization» of which began in the last years of the poet's life there. In the «Tristia» Ovid speaks out against the despotism of Augustus, attacking him not for his statesmanship, but for his attitude to literature and poets. Here, for the first time in literary history, Ovid sets the theme of «emperor and poet» and dwells on the conflict between despotism and poetic genius.

³⁴ M a r a s h e, ук. соч., стр. 128—140; M a r i n, ук. соч. стр. 3744.

МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В СЕЛЕНИИ ЗГУДЕРИ (ГРУЗИНСКАЯ ССР) В 1964—1965 гг.

В 1964 г. в сел. Згудери (Карельский р-н ГрузССР)¹ при весеннем разливе р. Дзама на левом ее берегу был размыт небольшой холмик, на котором были обнаружены древние погребения с богатым инвентарем, в состав которого входили и монеты. После доставки найденных вещей в Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа из Урбнисской археологической экспедиции был выделен специальный отряд под руководством Г. Немсадзе для работ в Згудери². Раскопки, произведенные здесь в 1964—1965 гг., выявили три разновременные группы археологических памятников:

1. Могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа.
2. Могильник и поселение позднеантичного периода.
3. Поселение эпохи позднего средневековья.

¹ Сел. Згудери находится в ущелье р. Дзама у слияния ее с р. Имерхеви (называемой местными жителями Гванана) примерно в 11—12 км от районного центра Карели.
² Предоставлением права публикации нумизматических памятников из Згудери авторы всецело обязаны любезности Г. Немсадзе. Краткую информацию о раскопках в Згудери см. Г. Н е м с а д з е, Предварительный отчет полевых работ Згудерского отряда Урбнисской историко-археологической экспедиции 1964—1965 гг., «XIII научная сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, 1965 год». (Тезисы докладов), Тбилиси, 1965, стр. 11.

Таблица I. Римские серебряные монеты, найденные в Згудери